О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНОВ «ПЕРЕВЕТ» И «КРИМСКАЯ ТАТЬБА» ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ

*Лысых Сергей Дмитриевич, старший преподаватель
кафедры истории и теории государства и права
Псковского государственного университета*

В статье рассматриваются различные трактовки в историко-правовой науке терминов «перевет» и «кримская татьба», содержащихся в Псковской судной грамоте. Автор относит их к преступным деяниям против Псковского государства, уточняет содержание понятий.

Ключевые слова: Псковская судная грамота, преступления против государства, измена, кража из Кремля.

ABOUT THE TERMS «TREASON» AND «THEFT» MEANING IN THE PSKOV JUDICIAL CHARTER

*Lisih Sergey D., Senior Lecturer of the Department of History and Theory of
State and Law at the Faculty of Law of the Pskov State University*

The article considers various historical and legal science treatment terms «treason» and «theft» contained in the Pskov Judicial Charter. The author believes these terms to be criminal actions against Pskov State and clarifies the scope of the terms.

Key words: The Pskov Judicial Charter, crimes against the State, treason, theft from the Kremlin.

Исследователи отмечают, что впервые в истории русского права преступления против государства законодательно закрепляются именно в Псковской судной грамоте¹ (далее — ПСГ), и относят к этому виду правонарушений «перевет». Ответственность за это деяние предусмотрена в ст. 7 ПСГ: «А кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику темъ живота не дати»².

¹ Хачатрян А. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Псковской Судной грамоте: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 19; Фёдорова А. Н. Виды правонарушений по Псковской судной грамоте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2010. № 3(13). С. 249; Оспенников Ю. В. Право государств Северо-Западной Руси в XII-XV вв.: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. Казань, 2010. С. 36–37.

² Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков: изд-во Центра «Возрождение», 1997. С. 37.

Существенных различий в трактовке перевета среди исследователей нет. И. Д. Беляев рассматривает это преступление как измену государству¹, М. Ф. Владимирский-Буданов считает земской изменой², Ф. Н. Устрялов полагает тайной передачей вестей, изменой³. В советский период утвердился взгляд на перевет как государственную измену⁴, измену родине⁵. Ю. Г. Алексеев называет переветника перебежчиком на сторону врага, государственным изменником⁶. Современные исследователи придерживаются точки зрения Ю. В. Оспенникова: «В свете летописных источников «перевет» можно трактовать как государственную измену, однако гораздо более точным будет определение «перевета» как предательства корпоративных интересов определённой общности (обычно — городской общины)»⁷.

Перевет был хорошо знаком псковскому законодателю периода средневековья и представлял чрезвычайную актуальность в силу своей высокой общественно-политической опасности. История древнего Пскова, являвшегося форпостом русских земель, насыщена непрекращающейся борьбой с внешними врагами, военным противостоянием с Литвой, Ливонским орденом, Дерптским епископством и другими соседями. О губительных последствиях перевета свидетельствует летописное известие за 1240 год, когда Псков был захвачен немецкими рыцарями: «Бяху бо перевет держали с Немци плесковичи: подвель Твердила Иванкович съ инеми, а сам нача владети Псковом с Немцы, воюа села новгородскаа»⁸.

Обстоятельства сдачи Пскова ливонским рыцарям не совсем ясны. Но из контекста летописного сообщения очевидно, что Твердила с сообщниками имел связь с врагом, фактически изменил интересам Пскова, что и привело к захвату города. Этот эпизод красноречиво свидетельствует: в каких бы конкретных действиях перевет ни выражался (связь с врагом, передача сведений, переход на сторону неприятеля), суть его в конечном

¹ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М.: Тип. А. А. Карцева, 1888. С. 281.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд-е 7. Петроград; Киев: Изд. книжного магазина Н. Я. Оглоблина, 1915. С. 323.

³ Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной Грамоты 1467 года. СПб.: Тип. А. Фридрихсона, 1855. С. 57, 146.

⁴ Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота: Историко-юридическое исследование. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1951. С. 96.

⁵ Кафенгауз Б. Б. Древний Псков (Очерки по истории феодальной республики). М.: Изд-во «Наука», 1969. С. 127.

⁶ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и её время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л.: Наука, 1980. С. 45.

⁷ Оспенников Ю. В. Указ. соч. С. 37.

⁸ Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2). М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 81.

итоге одна — измена, предательство общественных интересов. В этой связи трактовка перевета Ю. В. Оспенниковым представляется вполне обоснованной и наиболее точно отражающей суть преступного деяния.

Скорее всего именно после освобождения в 1242 году Пскова Александром Невским и разгрома немецких рыцарей в битве на Чудском озере псковским законодателем была установлена ответственность за перевет. Это, в свою очередь, косвенно свидетельствует в пользу версии о том, что упомянутая в преамбуле ПСГ грамота великого князя Александра принадлежит Александру Невскому.

В отличие от перевета вопрос о содержании понятия «кримская татьба» является дискуссионным. Уже дореволюционные исследователи представили весь спектр трактовок. И. Д. Беляев и М. Ф. Владимирский-Буданов в «кримском тате» видят церковного вора¹, при этом И. Д. Беляев не поясняет своей трактовки, а М. Ф. Владимирский-Буданов рассматривает кромскую татьбу как храмскую. Ф. Н. Устрялов считает кримского (кромского) татя комнатным вором: «проще и вернее производить слово хромский от хором и придавать хромскому татю значение комнатного вора, покравшего что-либо внутри строения»². И. Е. Энгельман считает, что «кримский тать» — это вор, совершивший кражу в Кроне (Кремле), где хранились казна, государственные акты и другие ценности³.

В советский период подавляющее большинство исследователей рассматривают «кримского татя» как вора, совершившего кражу в Кроне, то есть Псковском Кремле⁴. Такая трактовка основана на внимательном прочтении ст. 7 и ст. 8 ПСГ, где наказание за совершённую в третий раз кражу (квалифицированную кражу) приравнивается наказанию кримскому (кромскому) татю: «Что бы и на посад покрадется, ино двожды е пожаловати, а изличивъ казнити по его вине, и в третий рядъ изличивъ живота ему не дати, крам кромьскому татю»⁵. Алексеев Ю. Г., например, заключает: «Кримский тать — это, надо думать, «кромьской тать», как говорится ниже в том же тексте»⁶.

¹ Беляев И. Д. Указ. соч. С. 280; Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 333.

² Устрялов Ф. Указ. соч. С. 146.

³ Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1855. С. 74.

⁴ Псковская Судная грамота. Новый перевод и комментарий Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева // Исторические записки. М.: Изд-во АН ССР, 1940. Т.6. С. 265; Мартысевич И. Д. Указ. соч. С. 98; Псковская Судная грамота. Перевод, историко-правовой обзор и текстол. коммент. А. А. Зимина // Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси XI-XV вв. М.: Госюриздат, 1953. С. 334; Кафенгауз Б. Б. Указ. соч. С. 127.

⁵ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. С. 37.

⁶ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и её время. С. 44.

Современные исследователи уклончиво относятся к определению термина «кримский тать». Ю. В. Оспенников отмечает: «Относительно вопроса о трактовке термина «кримская татьба» наиболее убедительны два толкования — кража из Кремля или кража из церкви. Обе концепции имеют общее: и Кремль, и церковь — это места, защищенные особенным «миром», согласно средневековому мировоззрению. С учетом этого обстоятельство противоречие обоих подходов не представляется существенным для общей оценки «кримской татьбы» в системе преступлений»¹. А. В. Хачатрян по этому поводу высказывается ещё более определённо: «Вопрос о содержании термина «кримский тать» до сих пор является дискуссионным в историко-юридической литературе и однозначно разрешить вопрос, что же имелось в виду — кража из кремля или кража из церкви — не представляется пока возможным»².

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в самом тексте ПСГ термин «храмский» не употребляется. В ст. 7 указан «крим[с]кий» тать, который в ст. 8 совершенно определённо назван «кромьским» татем. Вариант «кримский», скорее всего, является производным от «кромский». Подтверждением этому служит вариативность употребления наименования псковского Кремля в летописях: Кром, Крем, Креом. Например: «Заложиша псковичи перси оу Крема стену»³; «Псковичи поставиша костерь на Креому съ Пскове»⁴; «Загоресея два костра на Кромю..., и потекоша на Креомъ множество людей, и милостию святыхъ троица оугасиша»⁵; «И много пушками били на город на Кром; а детинца богъ оублюде и святая троица»⁶; «Оурядиша стену каменую в городе на Кромюу [оу] прьсеи, от Великихъ вороть»⁷.

В то же время слово храм в псковских летописях всегда употребляется одинаково: «Заложиша церковь святоую Троицоу...делаше же по 3 лета, и свершень бысть храмъ святыхъ Троица»⁸; «Того же лета почаша крыти храмъ святыхъ Троици доски. Того же лета покрыша храмъ святого Воскресения железомъ, и всю церковь в Домонтове стене»⁹; «Погореша во Пскове вси торги и храм Ксения преподобная»¹⁰.

¹ Оспенников Ю. В. Указ. Соч. С. 40.

² Хачатрян А. В. Указ. соч. С. 18.

³ Псковские летописи. Вып. 1. С. 25.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Псковские летописи. Вып. 2. С. 139.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Там же. С. 160.

¹⁰ Там же С. 265.

Основанием для трактовки исследователями термина «кримский тать» как церковный вор служит приписка «храмский» на полях оригинала текста ПСГ. По этому поводу А. А. Зимин справедливо заключает: «С. В. Юшков принимает чтение «храмскому» (современная списку приписка на полях), считая, что речь идет о церковной татьбе. Однако это чтение является осмыслением неясного для переписчика термина. В условиях пограничного положения Пскова кража в Кремле, где находилось много церквей, хранились общественные запасы и деньги, считалась тяжелым преступлением и противопоставлялась обычной краже, совершенной на посаде»¹.

Значение Крома для жизнеобеспечения и безопасности Пскова отмечают многие исследователи. Помимо архива, казны, имущества псковичей там хранились продовольственные и иные запасы, что подтверждается сведениями псковских летописей. В 1496 году, например, «загорелоя на Крому в Кутнего костра, и клетей много погорело, и ржы много и платья»². О размерах продовольственных запасов свидетельствует летописное известие за 1421–1422 гг., когда на Руси из-за неурожая разразился голод: «А въ Пскове тогда бяше старых лет клети всякого обилиа изнасыпани на Крому; и поидоша ко Пскову новгородци, Корела, Чудь, Вожани, и тферичи, и москвичи, и просто рещи съ всей Руской земли, и бысть находжение их во Пскове много множество. И начаша, по волостем и по пригородом и въ Пскове коупяще рожь»³.

С учётом значимости Крома стремление псковского законодателя установить ответственность за «кримскую татьбу» представляется совершенно естественной и актуальной мерой: кража в Кремле приводила не только к имущественному ущербу, но и подрывала безопасность всего города, могла спровоцировать ухудшение положения целых слоёв псковского общества.

Если перевеет практически все исследователи относят к государственным преступлениям, то в отношении «кримской татьбы» мнения разделились. Большинство считают её правонарушением против собственности⁴. Ю. Г. Алексеев вполне обоснованно рассматривает «кримскую татьбу» как преступление против государства: «Кромской тать — это не просто вор, а похититель, покушающийся на государственное достояние или государственную тайну. Приравнивание такого преступника к переветнику — пере-

¹ Псковская судная грамота. Перевод, историко-правовой обзор и текстол. коммент. А. А. Зиминой. С. 334.

² Псковские летописи. Вып. 1. С. 82.

³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 38–39.

⁴ Устрялов Ф. Указ. соч. С. 146; Кафенгауз Б. Б. Указ. соч. С. 127; Оспенников Ю. В. Указ. соч. С. 40.

бежчику на сторону врага, государственному изменнику — вполне понятно»¹.

Перевет и «кримская татьба» относятся к группе наиболее опасных правонарушений, за совершение которых ст. 7 ПСГ предусмотрена смертная казнь. Подавляющее большинство исследователей понимает формулировку статьи «живота не дати» как не оставлять в живых, т. е. казнить².

Ю. В. Оспенников приходит к выводу, что ответственность за наиболее тяжкие преступления постепенно выростала из «потока и разграбления», трансформируясь с течением времени в смертную казнь³. Ю. Г. Алексеев считает замену потока и разграбления смертной казнью существенным отличием ПСГ от Русской Правды. «Поток и разграбление — лишение гражданских и политических прав, т. е. гражданская смерть. Человек, объявленный вне закона, потерявший все социальные связи, становится беспомощным и беззащитным. Имущество его придается грабежу, сам он может быть немедленно и безнаказанно убит, а семья его продана в рабство. Фактически это смертная казнь, сопровождаемая конфискацией имущества. Но это казнь особого рода. Суть её — изгнание преступника из того мира, в котором он живёт и принадлежность к которому определяет его социальное лицо»⁴. По мнению исследователя, ПСГ, знающая смертную казнь как таковую, т. е. непосредственное лишение жизни преступника, рисует другой уровень социального развития. В условиях вечаевого строя право произнесения смертных приговоров является монополией властей Господина Пскова — главной городской общины, господствующей над всей землёй⁵.

Существует, однако, мнение, что предписание ПСГ «живота не дати» говорит не о смертной казни, а об иных — имущественных последствиях совершённых преступлений⁶. Эта точка зрения основывается на характерном для древнерусских актов употреблении слова «живот» в значении «имущество». «Предписание Псковской судной грамоты «живота не дати» означало лишение преступника «нажитого им достояния», а значит, и лишение его возможности откупиться от смерти, а также запрет передавать

¹ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и её время. С. 44–45.

² Псковская судная грамота. Перевод, историко-правовой обзор и текстол. коммент А. А. Зимина. С. 334.

³ Оспенников Ю. В. Указ. соч. С. 15.

⁴ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и её время. С. 46.

⁵ Там же. С. 47–48.

⁶ Савченко Д. А. Ответственность за наиболее опасные правонарушения по Псковской судной грамоте // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2(12). С. 7.

по наследству имущество этого преступника, прежде всего имущество движимое, нажитое им при жизни»¹.

Следует отметить, что значение термина «живот» как «движимое имущество» исследователям ПСГ хорошо известно. Но уже в средние века это слово употреблялось в разных значениях, в том числе «жизнь»². Об этом со всей очевидностью свидетельствуют псковские летописи. Например, летописец вкладывает в уста особо почитаемого псковичами князя Довмонта накануне битвы в 1266 году с многократно превосходящими силами литовцев следующие слова: «братья моужи псковичи, кто старь то отець, а кто млад той братъ; слышалъ есмь моужество ваше во всех странах; се же братья нам предлежитъ животь и смерть; братья моужи псковичи, потягнете за святоую Троицоу и за святыа церкви, за свое отечество»³.

Трудно представить, чтобы накануне решающей битвы, где на кону поставлена жизнь, кто-то думал о своём имуществе. Не вызывает сомнения, что в приведённом фрагменте словосочетание «живот и смерть» означает «жизнь или смерть». Соответствующим образом рассматривают термин «живот» и подавляющее число исследователей ПСГ. Правильность такого прочтения формулы «живота не дати» (т. е. лишить жизни) подтверждается многочисленными летописными известиями.

Так, в продолжении Погодинского списка Псковской первой летописи сообщается, что в 1509 году «на масленой недели поймали понамаря троицкого Ивана, а он из ларев денги имал, да той гибели доспел 400 рублии; и псковичи его на вечи казнили кнутьем, и он сказался, и псковичи посадили его на крепость, да того же лета, по Троицыне дни оу первую неделю, в само заговение на Великой реки огнем сожгли его»⁴. Приведённый сюжет повествует о краже пономарём Иваном денег из городской казны, которая находилась на территории Крома под защитой крепостных стен. Пономарь Иван, надо полагать, и есть самый настоящий «кромский (кримский) тать». По факту кражи проведено расследование, и на основании решения псковского вече к вору была применена смертная казнь согласно ст. 7 ПСГ.

В 1469 году, согласно сообщению Псковской третьей летописи, «пришедше Немци ратью на мирь на Псковскую землю, на Сине на озеро, и побише пьсковичь 26 моужь, и хороми пожгли». Через полтора года

¹ Там же. С. 12.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1: А – З. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 489.

³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 83–84.

⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. 92.

псковичи выяснили, что врагам помогали два местных жителя. «Псковь доведа все, Иванка Подкоурского на бревне замоучили, а друого Иванка Торгошу за лытки тогды же в осен на ледоу повешили; а они там же жили оба недалече от Синя озера на Псковской земли, а там за роубежь такы держали первет к Немцом о пороубежьныхъ делех»¹. В тексте вече не упоминается, хотя, скорее всего, подразумевается под словами «Псковь доведа все». Факт же смертной казни переветников в соответствии с нормами ПСГ налицо.

В 1484 году, во время т. н. «брани о смердах» 1483–1486 годов, был убит посадник Гаврила, обвинённый в изменении повинностей смердов. По свидетельству продолжения Погодинского списка Псковской первой летописи, он и его сообщники «грамотоу новую списали и в ларь вложили на сенях, со князем Ярославомъ, а Псковь того не ведаеть. Того же лета посадника оубиша Гаврила, месяца июня въ 13; а оубиша его всем Псковом на вечи»².

Под сенями в приведённом фрагменте летописец имеет в виду здание возле Троицкого собора в Псковском Кремле, где располагались канцелярия псковского веча и архив (ларь). Конкретные обстоятельства этого события не совсем ясны, чем обусловлены различные и подчас противоположные суждения исследователей. Трудно сказать, как было квалифицировано это преступление. Очевидно одно: к виновному была применена та же мера ответственности, как и к «кромскому татю» — смертная казнь.

В 1496 году в Псковском Кремле случился пожар. «А зажег Чюхно, за кратчися, а послаша его Немцы зажечь и посулиша емоу дароу много, и поспешением святыя троица изымаша его на Кромоу и сожгоша его огнем, месяца апреля въ 12 день в самънавской велик день по вечерни»³. Упомянутый вражеский лазутчик Чухно (по-видимому, от «Чудь» — наименования в древнерусских летописях эстов и родственных им угро-финов) по определению ПСГ не кто иной, как «зажигальник». Зажигальник упомянут в ст. 7 ПСГ наряду с «переветником» и «кримским (кромским) татем», поэтому Чухно понёс закреплённое упомянутой статьёй наказание в виде смертной казни.

Таким образом, применение наказания за «перевет» и «кримскую (кромскую) татьбу» в виде смертной казни — очевидный факт. Формулировка ст. 7 ПСГ «живота не дати» справедливо рассматривается подавля-

¹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 167.

² Псковские летописи. Вып. 1. С. 79.

³ Там же, с. 82.

ющим большинством исследователей как «лишить жизни» (не оставлять в живых, казнить). Такая мера ответственности была установлена псковским законодателем в силу чрезвычайно высокой общественно-политической опасности указанных противоправных деяний, угрожавших безопасности Пскова либо наносивших этой безопасности существенный ущерб. «Кримского (кромского) татя» следует понимать как вора, совершившего кражу в псковском Кремле. Необходимо признать правоту Ю. Г. Алексеева, относящего «кримскую татьбу» к преступлениям против государства.

Литература

1. Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и её время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л.: Наука, 1980. 245 с.
2. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков: издательство Центра «Возрождение», 1997. 148 с.
3. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М.: Тип. А.А. Карцева, 1888. 584 с.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7-е. Петроград; Киев: Изд. книжного магазина Н. Я. Оглоблина, 1915. 699 с.
5. Кафенгауз Б. Б. Древний Псков (Очерки по истории феодальной республики). М.: Изд-во «Наука», 1969. 136 с.
6. Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота: Историко-юридическое исследование. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1951. 208 с.
7. Оспенников Ю. В. Право государств Северо-Западной Руси в XII–XV вв.: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2010. 50 с.
8. Псковская Судная Грамота. Новый перевод и комментарий Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 6. С. 235–297.
9. Псковская судная грамота. Перевод, историко-правовой обзор и текстол. коммент. А. А. Зимина // Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси XI–XV вв. М.: Госюриздат, 1953. С. 282–383.
10. Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2.). М.: Языки славянской культуры, 2000. 368 с.
11. Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1.). М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.
12. Савченко Д. А. Ответственность за наиболее опасные правонарушения по Псковской судной грамоте // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2(12). С. 5–16.
13. Устрялов Ф. Исследование Псковской Судной Грамоты 1467 года. СПб.: Тип. А. Фридрихсона, 1855. 194 с.

14. Фёдорова А. Н. Виды правонарушений по Псковской судной грамоте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2010. № 3(13). С. 249–251.

15. Хачатрян А. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Псковской Судной грамоте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 26 с.

16. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1855. 199 с.